

Елена Городецкая

Чёрная Падь. Проклятие гнилой крови

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Городецкая

Чёрная Падь.

Проклятие гнилой крови

«Автор»

2026

Городецкая Е.

Чёрная Падь. Проклятие гнилой крови / Е. Городецкая —
«Автор», 2026

Алекс и Елена находятся на грани полного краха. Прогоревший бизнес Алекса оставил их без гроша, а у подъезда их уже караулят безжалостные кредиторы. Спасением кажется неожиданное известие: Елена вступает в права наследства. Ей принадлежит огромный, изолированный викторианский особняк Стил в глухом ущелье Черная Падь (Блэк-Холлоу), штат Мэн. Елена боится этого места — девятнадцать лет назад в этих стенах сошла со ума и бесследно исчезла её мать Натали. Но ради выживания пара переезжает туда. Они еще не знают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Глубоко в подземелье особняка, под каменными плитами фундамента, веками созревает Гниlostкин — древний безликий Паразит, рожденный из первобытной скверны. Ему не нужны их мгновенные смерти. Его пища — молодая ментальная кровь: взаимные упреки, скрытая ярость, тайные грехи и та маленькая ложь, которую близкие люди копят друг на друга годами. Гниlostкин филигранно бьет по самым уязвимым местам.

© Городецкая Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Предисловие	6
Там, где гниют наши обиды	11
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Городецкая

Чёрная Падь. Проклятие гнилой крови

Глава 1

*<<Самые жесткие монстры прорастают из
нашего стыда>>.*

Предисловие

История древнего зла.

По старым преданиям, в самом сердце ущелья, глубоко под каменистой почвой, спало нечто, оставшееся со времен сотворения мира, когда земля была лишь гниющей массой, — безликий, вечно голодный Паразит, рожденный из первобытной сырости, разложения и доисторического праха.

У него не было имени, пока в **1692** году, спасаясь от безумия судебных процессов над ведьмами в эти глухие леса не пришел Томас Стил — первый патриарх рода Стил.

Томас был человеком жестким, искалеченным фанатичной верой и глубоко несчастным. Бегство в дикую глушь, голод, мучительная гибель младшего сына от болотной лихорадки и постоянные взаимные упреки с женой превратили его жизнь в кромешный ад. Обида на весь мир, зависть к выжившим и скрытая, уродливая ярость закипали в его сердце, разъедающая душу изнутри. Он искал спасения, но нашел вечную погибель. Обустраивая первое подземное хранилище под своим скромным деревянным домом, Томас прорубил глухую каменную жилу холма и наткнулся на черную, сочащуюся едкой скверной подземную расщелину. Из неё разило гнилым мясом, болотным газом и застоявшейся веками кровью.

Паразит, веками голодавший в ледяных глубинах земли, мгновенно почуял идеальную пищу. Он не стал убивать Томаса. Вместо этого он проник в его разум через капли черной, пахнущей тлением болотной жижи, смешавшейся с кровью патриарха из глубоко порезанной о камни руки. В ту ночь Томас впервые услышал, как под полом его хижины кто-то медленно, яростно и свирепо скребется, соскабливая ногтями древесину.

Именно тогда древнее зло обрело свое земное имя — **Гнилоствника**.

Томас Стил первым дал Паразиту человеческую форму в своих безумных ночных кошмарах, прозвав его так за то, как омерзительно шелушилась, чернела и гнила кожа тех, в кого тварь запускала свои невидимые ментальные споры. У Гнилоствника не было плоти в привычном понимании — он представлял собой склизкую, иссиня-черную массу, напоминающую живой деготь или переплетенные гниющие корни, которые проросли сквозь землю ущелья и впились в фундамент дома.

Гнилоствник заключил с родом Стил страшный, скрепленный гнилой кровью контракт. Он даровал семье черное, извращенное покровительство: их посевы никогда не гибли от заморозков, скот плодился быстрее, а враги семьи умирали от странных, иссушающих болезней. Но за это Гнилоствник требовал регулярную, страшную дань. Каждые тридцать лет, когда кровь нового поколения женщин рода Стил становилась зрелой, Паразит забирал себе новый человеческий сосуд.

Он не убивал их сразу — он медленно выпивал их разум, питаясь невысказанными обидами, скрытой злобой на мужей и тайными грехами. Когда разум женщины полностью выиграл, Гнилоствник забирал её тело в подвал, оставляя оболочку гнить, чтобы подпитать свои подземные корни и стать сильнее.

В конце XIX века на холме построили дом. Его фундамент заложили прямо поверх той самой расщелины, намертво запечатав подземелье дома тяжелыми каменными плитами. Это место стало одновременно и вековой тюрьмой для склизкого тела Гнилоствника, и его главным алтарем. Столетиями Паразит рос в темноте, оплетая деревянные балки и несущие стены своими иссиня-чёрными, пульсирующими нитями-грибницами. Дом стал продолжением его тела.

Гнилолистник научился виртуозно управлять пространством дома, превращая любые тайны и взаимные упреки супругов в осязаемый, удушающий кошмар.

Девятнадцать лет назад Натали Стил, мать Елены, до последнего вздоха боролась с этой тварью. Она понимала, что проклятие подбирается к её разуму. Натали обвешала весь дом распятиями, засыпала пороги солью, молилась до крови на губах и пыталась запечатать подвал. Но демон оказался хитрее. Он нашел её уязвимость — жгучую, глубокую обиду на мужа, который бросил её одну в этой глуши и уехал в город. Паразит бил по этой ране, нашептывая Натали по ночам, что её никто не любит, что её предали, что её десятилетняя дочь Елена — это лишь обуза.

В ту последнюю октябрьскую ночь 2007 года демон сломал её защиту. Соль на пороге превратилась в пепел, кресты перевернулись, а из подвала хлынула черная, пахнущая болотной гнилью жижа.

Осада Натали. Хроники увядания

В октябре 2007 года Чёрная Падь пахла не просто осенью — она пахла смертью. Натали Стил знала, что обречена, но сдаваться без боя не собиралась. Когда её муж собрал чемоданы и уехал, пообещав «разобраться с делами», но на самом деле просто сбежав от давящего ужаса этого места, Натали поняла: Гнилолистник остался с ней один на один. И следующей целью Паразита была её десятилетняя дочь Елена.

Каждое утро Натали начиналось с ритуала. Её руки были покрыты глубокими химическими ожогами от чистой хлорки и щелочи — она иступленно терла гниющие деревянные панели в холле, пытаясь смыть чёрную, маслянистую слизь, которая каждую ночь проступала сквозь обои. Ей казалось, что если дом станет чистым, Гнилолистник не сможет за него зацепиться. Но к вечеру пятна проклятой грибницы Паразита прорастали вновь, напоминая трупные пятна на теле особняка.

— Уходи, уходи, уходи, — шептала она, рассыпая по периметру комнат тяжелые дорожки крупной морской соли.

Она привезла из окружной церкви три мешка освященной соли, но Гнилолистник, запертый в подzemелье, лишь сыто посмеивался. Соль на порогах помогала сдерживать его физические проявления, но она не могла защитить разум Натали от его невидимых ментальных споров.

По всему дому — на косяках дверей, над кроватями, внутри кухонных шкафов — Натали намертво прибила тяжелые железные распятия. Ближе к середине октября железо начало вести себя странно. По ночам кресты раскалялись, хотя в доме стоял собачий холод, а металл подёргивался черным налетом, словно его разъедала невидимая кислота. Натали ходила за ними с молотком, вбивая новые гвозди прямо в крошащуюся древесину, пока её собственные ногти не сошли от постоянных ударов и напряжения.

Но самая страшная битва разворачивалась в её собственной голове.

Демон бил филигранно. Он использовал её самую глубокую, воспаленную рану — невысказанную обиду на мужа. По ночам, когда маленькая Елена засыпала в своей комнате, Паразит начинал действовать. Сначала под половицами раздавался медленный, яростный скрежет, переходящий в тяжелые, влажные шлепки глубоко под полом. А затем в ушах Натали расцветал вкрадчивый, хриплый шепот Гнилолистника

«Он не вернется, Натали... Он бросил тебя здесь гнить. Он спит с другими женщинами, пока ты ломаешь ногти о гнилые доски. Посмотри на свою дочь — она копия своего отца. Ты тратишь свои силы на неё, а они оба предали тебя».

— Заткнись! Заткнись! — кричала Натали в пустоту темных комнат, зажимая уши окровавленными ладонями.

Она молилась часами, стоя на коленях на жестком паркете, пока из её коленей не начала сочиться кровь. Она читала псалмы до тех пор, пока её голос не превращался в беззвучный хрип, а губы не трескались до мяса. Но молитвы угасали, сталкиваясь с глухими стенами. Бог не слышал Чёрную Падь. Её слышал только Гниlostник.

Паразит медленно выпивал её разум через эту обиду. Натали перестала спать, потому что во сне Гниlostник полностью забирал контроль. Стоило ей закрыть глаза на пятнадцать минут, как она просыпалась посреди холла с ножом в руке, стоя над спящей Еленой, а внутри её головы звучал чужой, клокочущий хохот Гниlostника: *«Убей девчонку, освободи себя, верни кровный долг...»*

К концу октября Натали превратилась в живой труп. Её кожа шелушилась и серела, глаза подернулись мутной, параноидальной дымкой, а суставы начали подгибаться неестественно, изломанно — Паразит уже прорастал своими черными нитями сквозь её нервную систему. Она проигрывала эту войну. Каждая её попытка сдержать гниль оборачивалась тем, что Гниlostник находил новую лазейку в её слабеющей психике.

В свой последний день, перед тем как окончательно потерять контроль в ту роковую штормовую ночь, Натали заперлась на чердаке и дрожащей, искусанной в кровь рукой сделала последнюю запись в своем дневнике:

«Я больше не могу держать дверь. Моя обида — это его отмычка. Он сожрал меня изнутри. Елена, прости меня. Беги. Беги, пока тебе не исполнилось тридцать...»

Голоса на проводе. Телефонный психоз

Последние две недели перед своей окончательной гибелью в октябре 2007 года Натали уже почти не принадлежала себе. Гниlostник пророс глубоко в её сознание, превратив остатки разума женщины в безумный транслятор своей воли. Именно тогда десятилетняя Елена, которую родственники спешно увезли ради её же безопасности, столкнулась с самым липким, кошмарным проявлением материнского безумия — телефонными звонками.

Старый дисковый телефон в квартире родственников начинал надрывно, пронзительно звонить всегда в одно и то же время — ровно в три часа ночи.

Маленькая Елена просыпалась от этого звука в холодном поту. На цыпочках, стараясь не разбудить спящих дядю и тетю, она шла в темный коридор, снимала тяжелую трубку и каждый раз слышала на том конце провода тяжелое, свистящее дыхание матери. Из динамика пахло чем-то невозможным — сыростью, болотной гнилью и застоявшейся вековой пылью, словно провод шел не через телефонную станцию, а напрямую из затопленного подземелья Чёрной Пади.

— Елена... это ты? Маленькая моя Елена? — голос Натали звучал странно: то срывался на лихорадочный, неестественно быстрый шепот, то становился пугающе низким, клокочущим, скрежещущим.

— Мама? Мамочка, когда ты приедешь? Мне страшно... — плакала в трубку десятилетняя девочка.

Но Натали не слушала её. Гниlostник внутри неё нажимал на нужные рычаги, заставляя нести жуткую, бессвязную чушь, от которой у ребенка леденела кровь.

— Они лезут из-под пола, Елена! Они такие голодные... Чёрные черви, они шевелятся у меня под кожей, — Натали внезапно заходила сухим, лающим кашлем, а потом начинала быстро-быстро бормотать: — Я отмыла холл. Я вычистила всё хлоркой, но они скребутся, скребутся... *Кат-кат-кат*. Слышишь? Это шарики покатались. Твой папа оставил здесь свои старые грехи, и теперь они вылупляются. Они выползают из розеток!

— Мама, перестань, пожалуйста! Перестань! — умоляла Елена, сжимая трубку до боли в пальцах.

— Не верь ему, Елена — вдруг срывалась на пронзительный, безумный крик Натали, и в этот момент на заднем плане в трубке отчетливо слышался глубокий, яростный скрежет ногтей по дереву. — Твой отец продал твою кровь! Он заложил этот дом, он заложил тебя! Гниlostник говорит, что ты должна вернуться. Твоя кровь слаще. Она молодая, свежая... Обида, Елена, никогда не прощай его! Если ты его простишь, черви съедят твоё сердце!

Иногда Натали затихала, и в трубке раздавался чужой, утробный, маслянистый хохот, который физически не мог принадлежать женщине. Этот звук вибрировал в мембране динамика, заставляя ухо Елены неметь от холода. Паразит глумился над маленькой девочкой, транслируя через её безумную мать свои первые ментальные приказы.

Родственники в конце концов просто перерезали телефонный провод кухонными ножницами, когда тетя застала бледную, трясущуюся Елену у телефона в три часа ночи с кровью, идущей из носа от ментального давления Гниlostника. Но этот кошмар не прекратился. На следующую ночь отрезанный, мертвый аппарат на стене снова зазвонил. И когда Елена в ужасе зажала уши, голос матери, несущий безумный бред о гнилой крови и подземном черве, раздался прямо у неё в голове.

Гниlostник закинул свой крючок девятнадцать лет назад. И этот бред матери, который все считали шизофренией, на самом деле был детальной инструкцией по их уничтожению.

Погребение заживо. Последняя штормовая ночь

Это случилось 31 октября 2007 года. Буря, пришедшая с океана, заживо хоронила Чёрную Падь под тоннами ледяной воды и поваленных сосен. Дом Стил ходил ходуном, его деревянные кости стонали от шквалистого ветра, но самый страшный шторм бушевал внутри — на стыке человеческого безумия и древней скверны.

Натали Стил больше не кричала. Она сидела посреди абсолютно тёмной гостиной на коленях. Все распятия, которые она так яростно прибавала к стенам, за последние часы деформировались: железо вздулось, потемнело и покрылось скользким слоем живой, пульсирующей плесени. Защитные полосы соли на порогах почернели, превратившись в зловонный пепел.

Гниlostник больше не нашептывал из углов. Он взял под контроль её тело.

Натали двигалась изломанно, судорожно. Её собственное сознание, запертое в клетке умирающего разума, могло лишь сквозь пелену ужаса наблюдать за тем, что Паразит заставляет делать её оболочку. Она медленно, один за другим, выламывала себе пальцы на руках, выворачивая суставы со звуком лопающихся сухих веток. *Хруст. Хруст.* Но её лицо при этом оставалось маской абсолютного, мёртвенного покоя. Из искусанных в мясо губ не вылетало ни звука — только из глубины горла поднимался утробный, зловонный хохот самого Гниlostника.

Вдруг из-под массивных дубовых половиц гостиной, начала сочиться чёрная, густая жижа. Она не была водой — это была сама плоть Паразита, пахнущая разложением, болотным газом и застоявшейся вековой кровью. Жидкость пузырилась и поднималась вверх, подчиняясь воле зла из подземелья.

Тело Натали, дергаясь как марионетка на оборванных нитях, поднялось с пола. Её глаза, когда-то лучистые и добрые, полностью выцвели, став блеклыми, затянутыми катарактой, сквозь которую проступали тонкие чёрные капилляры — грибница Гниlostника уже проросла сквозь её глазные яблоки.

— Кровь... вернулась к корням... — прохрипела она чужим, двоящимся голосом, в котором переплетались женский плач и свирепый подземный гул.

Половицы в центре комнаты с оглушительным треском лопнули, обнажая зияющий зев провала, ведущего в самую глубь запечатанного подземелья. Оттуда, из непроглядной тьмы, потянулись сотни тонких, живых черных нитей-жгутов. Они были похожи на гниющие корни столетних деревьев, но они шевелились, извивались и жадно искали плоть.

Эти слепые отростки с влажным шлепком обвилились вокруг лодыжек Натали. Они начали медленно, со вкусом впиваться прямо под её кожу, разрывая плоть и пробираясь к венам.

Натали не могла закричать, хотя её внутреннее «я» сходило от безумной боли. Живые корни потащили её вниз, в провал.

Она цеплялась вывернутыми, сломанными пальцами за края разбитых половиц, оставляя на дереве глубокие, жирные полосы чёрной крови. На секунду её взгляд упал на старый дисковый телефон, сорванный со стены. Силой последнего, угасающего человеческого импульса Натали рванулась к нему, набрала окровавленным обрубком пальца номер квартиры где жила её дочь, и прижала трубку к уху, пока корни Гниlostника утягивали её торс под пол.

— *Елена ...* — захлебываясь чёрной пеной, хрипела она в телефонную трубку, пока Паразит заполнял её легкие гнилью. — *Он забирает... мою кровь... Обида... Обида — это его дверь... Не прощай... Не прощ...*

В этот момент огромный чёрный жгут, усыпанный мелкими, шевелящимися наростами, обвился вокруг её шеи. Раздался резкий, сухой щелчок ломающихся шейных позвонков.

Гниlostник с силой дернул её вниз. Тело Натали Стил навсегда исчезло в провале подземелья, а вырвавшиеся следом тонны чёрной болотной жижи мгновенно затопили холл, скрывая следы погребения. Откинутаая телефонная трубка осталась качаться на проводе, транслируя маленькой Елене далекий, предсмертный, клокочущий хохот Паразита, который только что сожрал свою очередную жертву и приготовился спать следующие девятнадцать лет. В ожидании Елены.

*Дом закроет двери.
Демон откроет твой
разум.*

Там, где гниют наши обиды

Глава 2

Глава 1. Последнее пристанище

Дворники старого Форда работали с натужным, пронзительным скрипом, но толку от них было мало. Лобовое стекло то и дело заливало тяжелыми струями серой воды, за которыми расплывался монотонный пейзаж: бесконечные стены промокшего, почерневшего леса и пустая двухполосная дорога.

Алекс сжал руль так, что побелели костяшки пальцев. На его запястье отчетливо выделялся бледный след от дорогих часов — их пришлось продать три недели назад, прямо перед тем, как судебные приставы опечатали их столичную квартиру. Теперь всё, что у них оставалось, помещалось в три картонные коробки на заднем сиденье. Банк забрал их прошлую жизнь до последнего цента, оставив взамен лишь глухую, давящую тишину.

Навигатор снова потерял сеть, — тихо произнесла Елена, не поворачивая головы. Она сидела, обняв колени, и неотрывно смотрела в боковое окно на проплывающее мимо искривленные деревья. — Алекс, мы точно едем правильно? Здесь нет ни одного указателя уже километров сорок.

Правильно, Елена. Другой дороги просто нет, — его голос прозвучал резче, чем он хотел.

Алекс сглотнул вставший в горле ком обиды. Он подсознательно ждал, что она снова начнет упрекать его. Напомнит про неудавшийся бизнес, про кредиты под залог жилья, про его самоуверенность, которая пустила их по миру. Но Елена молчала. И это молчание пугала его сильнее любых криков.

Машина подпрыгнула на глубокой выбоине, и фары выхватили из тумана покосившийся, изъеденный ржавчиной дорожный щит. Название городка почти стерлось, но сквозь бурые подтеки еще можно было разобрать буквы.

Они въехали в Чёрную Падь.

Город казался вымершим. Деревянные многоэтажные дома с закрытыми ставнями провозжали их тёмными провалами окон. Только туман, выползающий из леса, и запах сырости, который, казалось, проникал даже сквозь закрытые окна автомобиля.

Когда Форд наконец затормозил у нужного адреса, оба замерли.

Наследство покойной матери Елены выглядело как монумент человеческому одиночеству. Двухэтажный дом из потемневших, почти черных от времени бревен перекосялся на правый бок, словно пытался лечь на землю. Крыша поросла грязно-зеленым мхом, а крыльцо прогнило настолько, что ступени напомнили сломанные зубы. Вокруг дома густо разросся сорняк, мертвые стебли которого хлестали по стеклам машины от порыва ветра.

Алекс заглушил мотор. Выключившиеся фары погрузили в мир густые, предвечерние сумерки. Внезапно наступившая тишина показалась Елене физически осязаемой — тяжелой, давящей на барабанные перепонки.

Из вентиляционных решеток машины вдруг потянуло чем — то сладковатым и затхлым. Запах старого подвала. Запах гнили.

Ну ... — Алекс попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой и вымученной. Он повернулся к жене и коснулся её ледяной ладони. — По крайней мере, здесь нам не нужно платить за аренду. Настоящее родовой поместье. Пойдем, посмотрим, что внутри.

Елена посмотрела на темные, мутные окна второго этажа. Ей на мгновение показалось, что за одним из грязных стекол, в самой глубине дома, шевельнулась плотная серая тень.

Алекс, — прошептала она, не в силах отвести взгляд от окна. — Мне кажется, нам не стоит туда заходить.

Алекс мягко, но настойчиво сжал её пальцы. — Елена, ну брось. Это просто старый дом. В сумерках всё выглядит зловеще. До ближайшего мотеля три часа пути, а на карте у нас осталось четырнадцать долларов. Потерпи. Завтра взойдет солнце, и всё покажется не таким страшным.

Елена медленно кивнула, хотя липкое чувство тревоги между лопатками никуда не исчезло. Они вышли из машины. Влажный, холодный воздух мгновенно пробрал до костей. Дождь почти стих, превратившись в противную, оседающую на лицах изморось.

Алекс достал из багажника тяжелый старый фонарь и самую большую коробку. Поднявшись на крыльцо, он осторожно наступил на верхнюю ступеньку — дерево предупреждающе хрустнуло, но выдержало. Старый врезной замок поддался не сразу. Ключ, который адвокат передал им в конверте, со скрежетом провернулся в замочной скважине дважды. Алекс толкнул тяжелую дубовую дверь. Она поддалась с глухим, натужным стоном петель.

В лицо им ударил спертый, ледяной воздух. Дом пах не просто пылью — в нем стоял плотный, удушливый запах мокрой земли, застоявшийся воды и чего-то еще, приторно-сладкого, от чего у Елены мгновенно заныли виски.

Алекс щелкнул тумблером фонаря. Луч света выхватил из темноты длинный, узкий коридор.

Полы были покрыты толстым слоем серой пыли, на котором местами виднелись странные темные разводы, похожи на потеки высохшей грязной воды. Обои на стенах — когда-то, судя по всему, светлые — пожелтели и во многих местах отошли от стен, свисая уродливыми, рваными лоскутами. Чёрные, бархатистые пятна гнили расплзались по углам под самым потолком, напоминая тянущую к полу кляксы.

Да уж, ремонта тут непочатый край, — в полголоса произнес Алекс, заходя внутрь. Его шаги отозвались гулким, пустым эхом где-то в глубине дома. — Но стены крепкие. Перестелим полы, поменяем обои ... Елена заходи, не стой на сквозняке.

Елена переступила порог дома, и у нее возникло отчетливое, пугающее ощущение, что она зашла в чужой рот. Дверь за ее спиной захлопнулась от случайного порыва ветра, заставив девушку вздрогнуть. Они прошли в бывшую гостиную. В центре стоял единственный предмет мебели — громоздкий, обтянутый потрескавшийся тёмной кожей диван. Алекс поставил коробку на пол и посветил фонарём по сторонам. Смотри, — тихо сказала Елена, указывая на стену над камином. Там, где обычно вешают картины или семейные фотографии, висело огромноепрямоугольное зеркало в тяжелой дубовой раме. Но его стеклянная поверхность была полностью, аккуратно и плотно покрашена жирной, матовой чёрной краской. Никаких просветов. Будто кто-то очень не хотел видеть то, что в нём отражается. Или не хотел, чтобы кто-то смотрел на него оттуда. Алекс подошел ближе и провел пальцем по слою старой краски. Твоя мать Она ведь сильно болела в последние годы, да? Елена сглотнула. Она помнила редкие, бессвязные звонки матери из этого города, пока та окончательно не оборвала связь. Мать кричала в трубку, что глаза в доме смотрят на неё, и умоляла Елену никогда не искать её. Врачи тогда называли это прогрессирующей шизофренией. Да, — прошептала Елена. — Сильно.

Сумасшествие заставляет людей делать странные вещи, — вздохнул Алекс, пытаясь говорить обыденным тоном, но его голос слегка дрогнул.

— Ладно, давай устраиваться. Развернем матрас прямо здесь, на полу. На сегодня сил не на что больше нет.

Они застелили старый надувной матрас, который чудом уцелел при конфискации имущества. Алекс выключил мощный фонарь, оставив гореть лишь маленький карманный фонарик на полу, который давал тусклый, дрожащий полукруг света.

Они легли, не раздевавшись, укрывшись одной старой курткой на двоих. В доме было ужасно холодно — из-за что шёл бледный пар. Алекс почти сразу уснул от физического и нервного истощения, его дыхание стало тяжелым и ровным.

Елена лежала с открытыми глазами, глядя на покрашенное чёрное зеркало над камином. Вокруг царила абсолютная, мертвая тишина глухого городка.

А затем тишина закончилась.

Сначала раздался тихий, едва слышный треск, словно старая древесина сжималась от ночного холода. Но уже через секунду звук изменился. Прямо под их матрасом, в темноте под гнилыми половицами, раздался отчетливый, сухой звук. Будто кто-то длинными, твердыми ногтями медленно, с нажимом скреб по дереву с обратной стороны, пытаясь нащупать щель между досками.

Скрип..... Скрип..... Царап...

Елена замерла, боясь даже вздохнуть, а звук медленно переместился из-под её ног чуть выше, остановившись ровно там, где её голова.

Глава 2. Червивое утро

Утро принесло не облегчение, а лишь серую липкую реальность. Елена открыла глаза от того, что замерзла до синевы. Изморось на окнах в гостиную превратилась в блеклые ледяные узоры, а изо рта при каждом вздохе вырывались густые облака пара. Алекса рядом не было. Надувной матрас на полу сдулся, из-за чего Елена почти лежала на голых, прогнивших половицах. Приподнявшись на локти, она прислушалась. Из глубины коридора доносился глухой ритмичный стук и скрежет метала по дереву. Елена поднялась, кутаясь в поношенное пальто, и пошла на звук. Скрип под её ногами казался оглушительным. В конце коридора, у самого входа в подвал, Алекс ожесточенно сдирал монтировкой кусок разбухшего плинтуса. Его лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени от бессонницы. Алекс ... — тихо позвала она. Он вздрогнул, едва не выронив инструмент, и раздраженно обернулся. Елена, не подходи так тихо, ради бога. И без того нервы ни к черту. Ты слышал это ночью? — Елена обхватила себя руками, чувствуя, как внутри неё всё сжимается от одного воспоминания. — Прямо под нами. Кто-то скрёбся в доски. Очень долго. Алекс выдохнул сквозь зубы и швырнул монтировку на пол. Металл звякнул, эхо покатилося по пустому дому. Я проверил подвал Елена. Там пусто. Обычные крысы. Или бродячие псы. Дом старый, дерево гниет и сохнет, от этого и звуки. Нам нужно думать о том, как здесь выжить, а не пугаться каждого шороха. Водопровод перемерз, генератор барахлит. Нам нужны инструменты, гвозди и хоть какая-то еда. У нас осталось четырнадцать долларов на карте. Нам придётся идти в город.

Елена промолчала. Она подошла к кухонному окну. Чёрная плесень, которую она пыталась вчера оттереть тряпкой до судорог в пальцах, за ночь разрослась ещё сильнее. Теперь угольно-чёрные нити грибка плотно оплетали подоконник, и Елене показалось, что от них исходит едва заметное, глинистое тепло. Но спорить с мужем у неё не было сил. Финансовая петля, затянувшаяся на их шеях, душила их обоих, превращая любую попытку поговорить в скрытую ссору. Через пол часа они уже шли по разбитой центральной улице Чёрной Пади. Городок при дневном свете выглядел ещё более зловеще, чем в тумане. Серое небо давило на крыши покосившихся деревянных домов. Вокруг стояла мёртвая, неестественная тишина — ни лая собак, ни детского смеха. Редкие прохожие — мужчины в грязных рабочих робах и женщины в серых платках — замерзали на месте при виде чужаков. Елена кожей чув-

ствовала их взгляды. Люди не просто смотрели. Они провожали их тяжелыми, немигающими, осуждающими глазами. Кто-то из стариков, стоявших у забора, при их приближении демонстративно сплюнул на землю и ушёл в дом, громко захлопнув дверь. Местные бакалейный магазин располагался в здании с облупившейся вывеской Продукты и товары. Когда Алекс толкнул тяжелую дверь, над головой истошно звякнул рваный колокольчик. Внутри пахло прогорклым маслом, дешёвым табаком и мышами. За прилавком сидел грозный мужчина с землистым цветом лица и редкими седыми волоса. Разговоры двух местных жителей у дальней полки мгновенно прекратились. Наступила мертвая тишина. Добрый день, — как можно дружелюбнее произнес Алекс, подходя к прилавку. — Нам нужны базовые продукты: пару банок консервов, хлеб, свечи. И если есть — пара листов фанеры и гвозди. Продавец не шевельнулся. Его маленькие глубоко посаженные глаза скользнули по лицу Алекса, затем перевелись на Елену. И когда его взгляд упал на старинное серебряное кольцо на её пальце — единственную вещь, оставшуюся от матери, которую банк не смог забрать, — пальцы мужчины заметно дрогнули. Вы из дома на холме, — это был не вопрос. Голос продавца звучал хрипло и сухо, как треск сухих веток. Да, дом достался в наследство, — ответил Алекс, доставая банковскую карту, — Мы планируем обосноваться здесь на какое-то время. Один из мужчин возле полки глухо хмыкнул и направился к выходу, намеренно задев Алекса плечом. На пороге он обернулся, сплюнул и процедил: Наследнички. Скоро земля вашей кровью умоется. Эй, полегче! — крикнул ему вслед Алекс, но продавец резко ударил ладонью по деревянному прилавку, заставив Елену вздрогнуть.

У нас ничего нет для вас, — отрезал торговец. Он потянулся к полке за своей спиной, достал буханку черствого хлеба и две банки безымянной тушенки, после чего швырнул их на прилавок. — Забирайте это и уходите. Карты мы не принимаем. Связи в городе нет. Только наличные. Но у нас ... — начал Алекс, чувствуя, как к горлу подступает ярость и паника. Положите на стол четыре доллара и выметайтесь, — продавец наклонился вперед, и Елене показалось, что из его рта пахло точно так же как из вентиляции их машины вчера вечером. Чужакам здесь делать нечего. Ваша семья принесла этому городу достаточно дерьма. Уезжайте пока ваша колымага еще заводится. Завтра может быть уже поздно.

Елена в ужасе схватила Алекса за руку: — Алекс, пожалуйста ... Отдай ему наличные и пойдем отсюда. Алекс, тяжело дыша, выгреб из кармана последние мятые купюры, бросил их на прилавок, забрал пакет и почти силой вытащил Елену на улицу. Колокольчик за их спиной звякнул, будто погребальный звон. На улице потемнело, хотя было едва за полдень. Поднимающийся ветер гнал по дороге сухие чёрные листья, а из окон по-прежнему смотрели десятки жутких глаз. Город ждал, когда дом на холме заберёт свою новую дань.

Глава 3. Тайны

Возвращение из магазина превратилось в кошмар наяву. Алекс, взвинченный за пределом унижением в лавке и собственной беспомощностью, швырнул пакет с

чёрствым хлебом на гнилой кухонный стол и без лишних слов спустился в подвал. Оттуда почти сразу донеслись яростные удары молотка по трубам и его глухое, отчаянное ругательство. Елене было невыносимо находиться внизу. Ей казалось, что гнев мужа подпитывает стены дома, заставляя чёрные пятна плесени на обоих пульсировать.

И ища хоть какое-то занятие, чтобы отвлечься от липкого страха, она посмотрела на потолок коридора, где чернел прямоугольный люк с висящие вниз грязная верёвкой. Чердак. Место, где её мать провела свои последние месяцы до того, какие навсегда увезли в лечебницу.

Елена потянула за верёвку. Скрипя старыми пружинами, вниз опустилась хлипкая деревянная лестница, подняв тучи удушливой, серой пыли. Сглотнув вставший в горле ком, девушка начала подниматься.

На чердаке было темно и душно.

Единственный источник света — круглое окно, затянутое густой паутиной, сквозь которое пробивались блеклые лучи вечернего солнца. Пространство было завалено хламом: сложенные стулья, коробки с подгнившими книгами, тюки со старой одеждой, пахнущей нафталином и мышами.

Елена медленно пошла вперёд, стараясь наступать на балки, чтобы не провалиться сквозь потолок первого этажа. В самом дальнем, тёмном углу, под скосом крыши, она заметила то, что искала. Тяжелый кованый сундук, обтянутый потемневший от сырости кожей. На нём не было замка — лишь массивная железная защёлка.

Елена опустилась на колени. Дерево под ней жалобно застонало. С усилием откинув тяжёлую крышу, она замерла.

Сверху лежали её собственные детские фотографии. Десятки снимков, которые она считала утерянными. Маленькая Елена на детской площадке, Елена с бантами в первом классе, Елена улыбается на фоне новогодней ёлки... но у каждого, абсолютно у каждого снимка аккуратно, с пугающей хирургической точностью были выжжены или выколоты глаза. Вместо лица маленькой девочки со старых глянцевых фотографии на неё смотрели пустые чёрные дыры.

Руки Елена задрожали. Под фотографиями лежала толстая общая тетрадь серой обложке — дневник матери.

Она открыла первую страницу. Почерк матери -когда-то аккуратный и каллиграфический — середине тетради превратился в безумные, размашистые каракули. Страницы были списаны одной и той же фразой, которая повторялось сотни, тысячи раз, налезая друг на друга и разрывая бумагу стержнем ручки:

оно пришло за моей кровью. Оно пришло за моей кровью .

Пролистав дальше, Елена наткнулась на сложный вдвое лист бумаги. Это было неотправленное письмо, написанное незадолго до госпитализации. Строчки двоились перед глазами Елены от поступающих слез:

Елена, девочка моя. Если ты это читаешь, значит, меня больше нет, а оно нашло тебя. Не верь этому дому. Не верь тишине. Оно — не призрак. Оно древнее, оно живет в гнили под полом. Оно питается нашими обидами, нашей злостью и гордостью. Оно сводит нас с ума, заставляя ненавидеть тех, кого мы любим, потому что так мы становимся слабыми. Елена, он помнит твой запах. Твоя кровь — это его ключ. Никогда не приезжай сюда.

Уезжай ...

Письмо оборвалось жирный кляксой.

Елена сидела в полутьме, прижимая листок к груди. Её сердце колотилось как сумасшедшее. Значит, безумие матери не было болезнью? Или это она сейчас сходит с ума, читая бред психически нездорового человека?

Вдруг тишину чердака прорезал звук .В самом дальнем углу, за грудой старой мебели, где сгушалась непроглядная тьма, что-то шевельнулось. Это был тихий, сухой шелест, словно кто-то перебирал пальцами сухие листья. А затем в пространстве между балками раздался едва уловимый, хриплый полу вздох — полу шепот. Звук был до ужасом похож на искаженный, лишенный эмоций голос её матери, зовущий её по имени:

Е-ле-на.....Лучи солнца за окном мгновенно погасли, погружая чердак в ледяную, зловещую тьму.

Глава 4 . Глухое эхо

Елена не понимала, как скатилась по хлипкой деревянной лестнице. Картонные коробки на чердаке летели во все стороны, пальцы горели от ссадин, а из груди вырвался задушенный, хриплый плач. Ей казалось, что ледяной воздух чердака преследует её, цепляясь за волосы тяжелыми невидимыми пальцами.

Упав на гнилые доски коридора первого этажа, она с силой пнула лестницу вверх. Люк захлопнулся с оглушительным грохотом. Тяжело дыша, Елена приезжала к груди серую тетрадь дневника — единственное доказательство того, что её рассудок ещё не полностью раскололся.

Алекс! Алекс, ради бога, иди сюда! -закричала она, срываюсь на фальцет.

Шаги из подвала раздались не сразу. Медленные, тяжелые, полные усталости.

Когда Алекс появился в дверном проеме, его лицо было покрыто чёрными потеками и грязи. В руке он ещё сжимал разводной ключ.

Ты чего орёшь? — его голос прозвучал пугающе глухо и раздраженно .- У меня трубу прорвало, всю обувь залило ледяной жижей, а ты бьешься в истерике из-за какой-то ерунды.

Это не ерунда! — Елена побежала к нему, подтягивая дневник и неотрывно трясущийся листок бумаги.- Я была на чердаке. Там сундук моей матери. Алекс посмотри! Мои фотографии... у них выжжены глаза. И её дневник! Она не была сумасшедшей, Алекс. Она предупреждала меня. Оно живёт здесь, под полом. Оно питается нашей злостью. Оно звала меня её голосом!

Алекс молча смотрел исписанные безумным почерком страницы, которые Елена судорожно перелистывала перед его лицом. В его глазах не было страха. Только нарастающее, тяжелое раздражение и разочарование. Он медленно отвёл её руку в сторону.

Елена, остановись, — твёрдо с пугающим хладнокровием произнёс он. — Посмотри на себя. Ты бредишь. Твоя мать закончила свои дни в психушке, и ты сейчас читаешь бредни больного человека. Оно живёт под полом?Питается злостью? Что за чушь!

Алекс, я слышала голос! — из глаз Елены хлынули слёзы. — Она назвала меня по имени!

В старых домах всегда гуляет сквозняк! — Алекс вдруг сорвался на крик, отчего Елена отпрянула. Его лицо исказилось от злости, а пальцы сильнее сжали разводной ключ, — Хватит! Мне по горло хватает проблем! Банк отобрал у нас всё. Всё Елена! Из-за меня мы нищие. Я пытаюсь сделать так, чтобы мы не сдохли от холода в этой глуши, а ты начинаешь сходить с ума точно так же, как твоя чёртова мать!

Эти слова ударили сильнее физической пощечины. Елена замерла. Трещина в браке, которую демон так аккуратно подпиливал последние три дня, наконец-то превратилась в глубоководную пропасть. Алекс тяжело дышал, глядя на жену, и в его глазах на секунду промелькнуло что-то чужое, холодное и злорадное. Но он быстро моргнул, и это выражение исчезло, сменившись привычной усталостью.

Ладно, — выдохнул он, вытирая пот со лба грязной рукой. — Прости. Я вспылил. Идём со мной. Я покажу тебе твоихмонстров.

Он схватил Елену за запястье — слишком сильно, до боли — и потащил за собой к открытой двери подвала. Девушка пыталась вырваться, но от страха и слабости её ноги подкашивались.

Они спустились по сырým ступенькам в подвал. Единственный фонарь, оставленный Алексом на ящике, бросал длинные, уродливые тени на каменные стены. На полу стояла грязная, ржавая вода, доходившая до щиколоток. Пахло сыростью, железом и гнилью.

Видишь? — Алекс посветил фонарем по углам. — Трубы. Земля. Никого здесь нет. Только крысы и...

Луч света замер на дальней стене подвала, прямо за кирпичной кладкой, которую Алекс расковырял монтировкой пару часов назад.

Алекс остановился на полуслове. Его хватка на запястье Елены ослабла.

На сырой, вязкой гнили пола, прямо у подножия раскопанные стены, отчётливо виднелись следы. Но это были не крысиные лапы и не следы от тяжелых рабочих ботинок Алекса. Это были глубокие отпечатки длинных, не естественно тонких босых ног. Пальцы оканчивались острыми, глубокими ямками, будто существо имело длинные когти. Следы шли из узкой, непроглядно тёмной ниши в стене и вели... прямо к лестнице, на которой они сейчас стояли.

Но самым страшным было другое. Рядом с отпечатками когтей на мокрой глине лежали свежие, ещё не успевшие высохнуть капли тёмной, почти чёрной крови. И цепочка этих капель тянулась вверх по деревянным ступеням лестницы — прямо туда, откуда они только что спустились.

Глава 5 . Фальшивые отражения

Они взлетели по лестнице из подвала, тяжело дыша и толкая друг друга в спину. Алекс с грохотом захлопнул дубовую дверь и навалился на неё всем своим телом, судорожно задвигая ржавый железный засов. Его руки ходили ходуном. Весь его скептицизм, вся его уверенность испарилась в ту же секунду, когда лучами фонаря высветил когтистые следы и свежие капли чёрной крови до ступенях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.